

СОСТОЯВШАЯСЯ ЖЕНЩИНА

Дебют Наталии Белохвостиковой был шумным: роль Лены Барминой в фильме «У озера» сразу сделала юную студентку ВГИКа известной. А затем фильмы с ее участием стали сыпаться как из рога изобилия: «Легенда о Тиле», «Тегеран-43», «Берег», «Десять лет без права переписки», «Красное и черное», «Стакан воды», «Принцесса цирка», «Незванный друг», «Надежда», «Океан», «Белый праздник»...

— Наталия Николаевна, кино одарило вас не только ролями, но и встречей с мужем, режиссером Владимиром Наумовым. Познакомились на съемках?

— Нет, в аэропорту «Шереметьево» у трапа самолета. Оба летели на какую-то неделю советских фильмов, причем Володя в составе делегации оказался случайно — заменил заболевшего накануне режиссера. Потом в Москве знакомство продолжилось, и через год мы поженились.

— Со стороны вы смотрите счастливой парой. Неужели и впрямь все так гладко?

— Во всяком случае, без серьезных ссор. У нас нормальная семья. Это не значит, что в доме все постоянно суются. Володя очень взрывной, темпераментный человек, так и кипит энергией, фантазер жуткий. Зато я тихая, мягкая. И знаете, у меня ощущение, что Володя знала всегда, что мы друг в друге просто проросли. Может, оттого, что занимаемся одним делом? Мы какой-то монолит. У Алова, которого, к сожалению, уже нет в живых, и у Наумова я играла любимые роли. Эти люди знали меня как никто, и я, совсем молоденькая тогда, мир познавала их глазами. И сейчас, бывает, с Володей сидим молчим, каждый занят своим — и вдруг одновременно начинаем говорить одну и ту же фразу. Или я открываю рот, а он уже произносит то, что я сказать собиралась. Такая вот странная, полумистическая связь. Раз Володя заболел где-то за границей, и я это почувствовала в тот же миг, разыскала его по телефону. И он знает все, что происходит со мной.

— И на съемочной площадке друг друга с полуслова понимаете?

— Да. И это тяжело, потому что переживаю, когда муж нервничает, даже если это и не видно никому. И сама не хочу его подводить, а значит, никогда не должна ошибаться. Его требования ко мне невероятны, и то, что спускается другим, мне не прощается. Просто он знает, чего от меня можно ждать, и пытается достичь этого на съемке. И все равно время, когда мы работаем вместе, удивительно. Я все свои роли в его фильмах люблю: они — кусочек меня, моей жизни.

— Вы оба — люди занятые. На ком держится дом?

— На всех. У меня дочь замечательная. И еще есть огромная собака — доberman Агат, который уже двенадцать лет с нами живет. Мы уже привыкли, что, как только уходим, Агат волочит наши вещи и сторожит их. Возвращаясь — ботинка нет, и обнаруживается он только дней через пять, потому что пес от усердия заснул его куда-то. Ну и пусть, зато Агат меня обожает, ходит за мной по квартире как привязанный. Просто чудо какое-то — он, по-моему, человеком уже стал.

Домом предпочитаем обходиться без посторонней помощи: я уже знаю, где у меня что лежит, и это удобно. Не могу сказать, что у нас чисто как в операционной. Но если что не так, никто мне слова не скажет. Или сами сделают, или дождутся, когда я отдохну и приду в нормальное состояние. Обожаю, когда есть возможность принять друзей, что-то приготовить вкусное. Наташенька мне помогает: вместе печем, жарим, парим. Не могу сказать, что хочу заниматься этим каждый день. Но делаю так достаточно часто: люблю, чтобы дома еда была человеческая. Зато, если уезжаю куда-то, знаю: когда вернусь, меня будут ждать по возможности полный холодильник, еда, теплый чай.

— С дочерью вы подружны?

— Это не то слово. Наташа — самый близкий мне человек, которому могу все сказать, доверить — и она все поймет. И она ужасно нежно относится к нам, жалеет, хочет помочь. Тут было время, когда Наташа училась во ВГИКе, снималась, а я свалилась с гриппом, хотя обычно переживаю: не умею болеть. И эта девочка ни разу не позволила мне встать, все дела взвалила на себя. Все думала: и за что Бог дал мне такое счастье?

— Как сложилась актерская судьба Наташи?

— Еще маленькой она играла в «Берег», «Тегеране», «Законном браке». Потом во ВГИКе снялась в дипломной картине, которая так и не вышла на экран. А первая ее большая роль — в нашем «Белом празднике». Только что она слетала с этим фильмом в Сан-Франциско: мы с Володей были заняты съемками и не могли уехать. Я от ужаса за дочь десять дней была в полубессознательном состоянии. Но все прошло замечательно. Наташа хорошо говорит по-английски, получила массу удовольствия, в пресс-конференциях участвовала, за автографами к ней очередь была. Сейчас опять снимается у нас.

И был еще замечательный театральный проект, который, к сожалению, рухнул. Марлен Мартынович Хуцнев готовил «Чайку» Чехова. Спектакль должны были вести на театральные фестивали в Италию и Югославию, но вдруг деньги спонсоров «заморозили». У Наташи в этом спектакле была роль Нины Заречной, у меня — Аркадиной. Но сейчас все рушится из-за денег. Знаю, есть замечательный сценарий, специально на Наташу написанный, есть удивительный молодой режиссер, который хочет это снять. Но пока они мыкаются, как все мы.

— А вы с мужем каким фильмом сейчас заняты?

— Это картина «Тайна Марчеллы, или Белая собака». Такая современная история о России, о нашем безумном мире, в котором убивают непонятно за что. Один из авторов сценария — Тонино Гуэрра, с которым мы делали «Белый праздник». Написано это было давно, но работа отложилась из-за болезни Марчелло Матространни, который должен был у нас сниматься. Потом не было денег, потом еще что-то происходило. Сейчас работаем, но движется все очень медленно: деньги существуют, но на бумаге. А реальные перечисления идут с таким опозданием, что практически все поглощает зарплата группы. У нас в результате Джигарханян и Гафт бесплатно снимаются.

— Вы стали актрисой, когда фильмов выпускалось множество, а сейчас их по пальцам можно пересчитать. Как выживаете?

— Трудно. Представляете, я в центральной гримерной на «Мосфильме» сижу одна! Тут недавно включила телевизор, шли «Маленькие трагедии». Увидела Володю Высоцкого и вспомнила, как мы с ним в этой гримерке друг за дружкой гримирова-

лись, потому что двух свободных кресел не было. А сейчас там как на кладбище. Не скажу, что мне страшно за свою и мужа судьбу, мы какой-то кусочек жизни в кино счастливый прожили. А вот за дочку...

Единственное, чему рада: Наташа успела сняться с Иннокентием Михайловичем Смоктуновским. И у них были такие ролевые отношения! Знаете, Иннокентий Михайлович ведь заболел во время наших съемок, попал в реанимацию. И оттуда вечером звонил, рассказывал, что он придумал. И мысли не допускал, что не сможет дальше сниматься. Володя тогда решил: если что случится, он картину закроет — без Смоктуновского «Белого праздника» не будет. А работать Иннокентий Михайлович у нас тоже начал бесплатно: продюсер у фильма появился значительно позже. И Наташа видела этого гения в работе, он ее все время брал за руку перед командой «Мотор!», чтобы не волновалась, так в нее верил... А вот очереди в кинотеатры Наташа, боюсь, уже не увидит. Я же помню, как на «Тегеран-43» в «Россию» толпа стояла от нынешнего «Макдоналдса» зигзагом! А сейчас дай Бог, чтобы люди вообще в сторону кинотеатров двинулись.

— Вам и с дебютом повезло: фильм «У озера» сразу сделал вас известной. Что для вас значила встреча с Сергеем Герасимовым?

— Все! Я к нему пришла в шестнадцать лет. И только сейчас узнала, как Сергей Аполлиарьевич за меня бился. На передаче «Мое кино» мне показали заявление Герасимова ректору ВГИКа. Там говорилось, что я — аккуратная, старательная и меня можно зачислить на второй курс условно, с тем что я вверю все сдам. И в конце была фраза, которая меня опрокинула совершенно: «Прошу принять ее в порядке исключения в связи с выдающимися способностями».

Я во ВГИКе оказалась после девятого класса, а официально поступила после окончания школы, когда у Герасимова был уже второй курс. Он принял меня совершенноным ребенком — большелобым, с длинной косой, тихим голосом — громче говорить я так и не научилась. И вел себя со мной на равных, ни разу не ошутила, что мне шестнадцать, а ему шестьдесят. Весь десятый класс ходила к нему в институт, ночью учила физику, химию, сдавала экстерном школьные экзамены, каждый день моталась по полтора часа в один конец, заболела так, что думала не выкарабкаюсь. И поддерживала в этом каторжном труде только его вера в меня. Он дал мне почву под ногами, право жить и знание, как жить, а профессия как-то рядом шла. А от Тамары Федоровны Макаровой пришла удивительная женственность и грациозность, хотя она — человек и энергичный, и жесткий. Но она удивительная женщина. Встретились недавно, она: «Наташенька, а я только что приняла ледяной душ». А ей девяносто пять лет! Могу только снять перед ней шляпу.

— Как в вашей жизни возник ВГИК?

— Случайно. Я же выросла за границей. С одиннадцати месяцев жила в Англии, потом папа был полом в Швеции, приехала к нему на каникулы. А Марк Семенович Донской работал тогда над картинами «Верность матери» и «Сердце матери». И приехал в Швецию снимать пейзажи, но исполнителей главных ролей с ним не пустили — денег не было. Донской пришел к папе, чтобы тот нашел каких-то женщин и мужчин для сцены свидания Ленина с матерью. Папа сказал, что у него все работают, но есть дети. А я в тринадцать лет была точно такая же, как сейчас: тот же рост, столько же весила и в этих «данных» законсервировалась на всю жизнь. Донской увидел меня, большелобика, и как-то приспособил под семидесятипятилетнюю Марию Александровну Ульянову. Лица моего, к счастью, видно почти не было — шляпка, зонтик, и все на дальних планах.

А уже потом, в Москве, на студии Горького, Донской познанил меня с Герасимовым. Я бредила кино, знала про него все на свете, такая хохлячая энциклопедия. И хотя курс был уже набран, Герасимов сказал: «Приходите!» Я пришла, увидела будущих однокурсников — и со страху сбежала. Но папа сказал: «Ты же хотела, ты же взрослая, вернись!» И я вернулась...

— Как вам работало с другими режиссерами?

— Я всегда очень выбирала. И всегда людей, с которыми мы общались на одном языке. Замечательно работало со Швейцером, с Карасиком — это режиссеры, которые очень любят артиста. А мне это необходимо: когда чувствую на площадке какое-то напряжение, теряюсь совершенно. Я не борец, мне проливаться тяжело. А в добре расцветаю. Помню, муж, который был очень дружен с Феллини, рассказывал, как во время командировки в Риме был на съемках «Джинджер и Фред». Феллини лично показывал рабочим, как забить нужный гвоздь, потом ретировался с Мазини и Матространни, и все они радовались как дети общению друг с другом. Мне кажется, именно в радости и может что-то хорошее родиться.

— Вы кажетесь несуетным человеком. Как удалось сохранить это качество в нашей суматошной жизни?

— Наверное, за счет домашнего «тыла». Да и характер отчасти такой: я не умею конфликтовать, считаю, что всегда можно договориться. И еще всегда стараюсь различать, что в жизни действительно важно, а что нет. Помните, песня была: «Чтобы вас на земле не теряли, постарайтесь себя не терять»? Думаю, после любых суетных дел человек все равно должен вернуться к

Татьяна Исканцева
Наталия

19.07.96

себе, с самим собой побыть. Если я в какой-то момент остаюсь одна, ничуть от этого не страдаю. Актёру необходимо иногда побыть в тишине, чтобы что-то в себе накопить, иначе можно надорваться. Ведь роль всегда через душу идет. А жить напоказ... Иногда утром выбегаю, вижу женщин во всеоружии грима и вместо того, чтобы завидовать их «спортивной стойке», думаю: «Ну зачем? Ведь лицо-то портится...»

— Такая женщина, как вы, должна любить красивые вещи, картины, цветы. Не ошибаюсь?

— Обожаю цветы. И очень люблю картины. У меня же Володя гениально рисует, у него выставки в музее Кандинского были в Мюнхене. Он — художник от Бога. Жаль, в квартире для его работ места не хватает, приходится ставить по стенам, часть увезли на студию. Знаете, после тяжелой съемки смотрю иногда: он до утра у себя в кабинете сидит и рисует. С кино его картины никак не связаны. Хотя есть у него замечательная булгаковская серия. Они с Аловым всю жизнь мечтали снять «Мастера и Маргариту», да не разрешили тогда. Еще у него есть графика, коллажи фантастической красоты со странными ликами. Думаю, благодаря им он находит гармонию с собой.

— А вам что помогает обрести гармонию?

— Не могу сказать, что что-то подобное делаю руками. Хотя умею многое: я вполне приспособленная к жизни женщина. И если у меня в «тройном тулупе» летит вдруг в воздух телефон, что случается часто, в состоянии сама что-то там соединить, чтобы он зазвонил. А когда Наташа была маленькой и я — при ней, вязала ей какие-то удивительные пальтишки, а себе — очень красивые платья. Но потом бросила — времени не хватало. Пытаюсь искать гармонию в самой себе, но удается не всегда: жизнь — штука суровая.

— Самодостаточность не страдаете?

— Если актер начинает радоваться тому, что делает, — все конечно. Я не то что самодостаточна, но очень люблю копаться в себе, размышлять, фантазировать. Люблю в тишине обдумывать то, что делаю: от этого мне потом вольнее в роли жить. Хотя посторонним этого не объяснить, сразу подумают: вот ненормальная! Знаете, когда мы снимали «Легенду о Тиле» в Польше, то сцену, которая летом происходит, как всегда бывает, дотянули до зимы. Снег крутом, а у нас ботиночки из лаечки — красивые, но холодные! Снимали смерть Рыбника, долго свет ставили, чего-то ждали, и, когда наконец раздалось: «Мотор!», мне уже так было холодно, что даже мерещилось, будто тепло. И по команде я на «чужих» ногах пошла куда-то, тихо замерзая. Было такое странное состояние. Потом меня Володя и Алов спрашивают: «Ты помнишь, как шла?» Я: «Да». И мы почти одновременно подумали, что так я должна идти, когда ко мне на тачке выкатывают сумасшедшую Катину. Эту сцену мы снимали спустя месяцы шесть-семь, а я все равно помнила то физическое состояние, ватные ноги... И это помогло.

— Вы всегда выглядели «книжной девочкой». А в действительности?

— Люблю иногда затаиться одна и почитать. Бывает, беру чеховские письма, бывает — «Мастера и Маргариту» — в общем, то, что состояние души подскажет. Иногда просто как маньячка сижу и читаю газету. Вовлекаюсь в этот водоворот, и кажется, что начинаешь сходить с ума, потому что мир сегодня сумасшедший. И столько бед вокруг. И столько актеров безработных — на это страшно смотреть.

— Если бы не кино, чем стали бы заниматься?

— Когда была молоденькая совсем, очень хотела переводить книги. Может, это бы и делала. Но уже поздно, наверное. Да и книжки сейчас тоже мало кому нужны. Но думаю, лучшее, что у меня есть, — даже не кино, а дочь. Может, это и есть главное, что я сделала на этом свете.

Беседу вела
Татьяна ИСКАНЦЕВА.
Фото Ильи БЕЛЯЕВА.